

ГРИНТИ 03.23.55

УДК 94(470)14:325.23

А.И. Ганчар
ГГАУ, Гродно

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ ДУХОВНЫХ КОНСИСТОРИЙ И КАНЦЕЛЯРИЙ (1917 Г.)

В статье рассматривается решение Временным правительством в 1917 г., посредством специально созданной Комиссии вопроса о деятельности римско-католических духовных консисторий и канцелярий на территории Российской империи. В новых условиях государственной жизни страны ограничительные начала, обусловленные в значительной мере соображениями национально-политического характера, не могли иметь места.

Ключевые слова: Российская империя, Римско-католическая церковь, Временное правительство, консистория, канцелярия.

Возвещенные Временным правительством начала вероисповедной свободы вызвали необходимость согласования с действовавшими по делам веры законоположениями. Для выполнения указанной задачи под председательством комиссара Временного правительства профессора С.А. Котляревского при МВД были образованы особое совещание по вопросам, общим для всех исповеданий, и специальная Комиссия по пересмотру законодательства, определявшего положение Римско-католической церкви (далее РКЦ) в Российской империи. В порядке постепенности было предложено образовывать такие комиссии отдельно по каждому из остальных инославных и иноверных исповеданий.

В состав Комиссии по делам РКЦ приглашены были представители римско-католического (далее р.-к.) духовенства, с Виленским р.-к. епископом бароном Роппом и управляющим Могилевской р.-к. архиепархией епископом Цепляком во главе, некоторые члены законодательных палат, представители ведомств православного исповедания, военного, министерства юстиции, внутренних и иностранных дел, народного просвещения, представители науки, общественные деятели и другие лица, известные своими познаниями в области вероисповедных вопросов.

Приступив к занятиям 5 мая 1917 г., Комиссия нашла необходимым прежде всего определить точным образом объем и основные начала, а также наметить план предстоящих задач.

Разработка законодательных норм, которые разрешали бы основные вопросы об отношении государства к отдельным исповеданиям,

подлежала, по мнению Комиссии, ведению Учредительного собрания. Равным образом к кругу занятий Комиссии не мог быть отнесен пересмотр узаконений, общих для всех исповеданий, каковая задача возлагалась на упомянутое выше особое Собрание. За выделением этих двух областей, все остальные законоположения о РКЦ в России Комиссия признала подлежащими ее пересмотру [1, с. 234].

По правилам РКЦ, р.-к. консистория являлась исполнительным органом епископа по управлению епархией, почему она и именовалась *Curia Episcopalis*. Сама по себе никакой власти она не имела, так как единственным духовным начальником в р.-к. епархии и судьей по духовным делам являлся епископ. Этому начальнику всецело была подчинена консистория, действовавшая от его имени и по его указаниям. Связь консистории с епископом являлась до такой степени тесной, что консистория сохраняла свои полномочия лишь на время, пока находился у власти составивший ее епархиальный начальник, и потому должности членов консистории прекращались со смертью епископа или в случае сложения им своей должности, а равно с прекращением управления вакантной епархией капитульным викарием. При таком положении первым делом каждого нового епархиального начальника являлось немедленное составление консистории. Указанное правило соблюдалось и в Российской империи (в силу ст. 20. конкордата 1847 г., воспроизведенной под ст. 29 Устава иностранных исповеданий 1857 г.). Однако после разрыва в 1866 г. отношений правительства Российской империи с Апостольским Престолом правило это было отменено.

Во всех епархиях католического мира консистории, а равно консисторские канцелярии, применительно к правилу *laicus ecclesiastica negotia tractare non potest*, состояли из духовных лиц. Признаваемый отчасти и законодательством Российской империи, этот порядок находил себе применение в р.-к. консисториях Царства Польского. Такое устройство р.-к. консистории основывалось на соображениях как принципиального, так и практического характера. Нельзя упускать из вида, что многие дела, подлежавшие компетенции консистории, а именно, соединенные с тайной исповеди, а также дела духовных лиц не могли быть передаваемы ведению мирян по самой своей природе.

Другие же, как, например, судебные дела и в особенности брачные, нередко затрагивавшие самые интимные стороны частной и семейной жизни человека, являлись менее тягостны для лиц заинтересованных, если им приходилось давать показания и иметь дело в консистории только с духовными лицами, которым уже в силу своего сана пользовались нравственным авторитетом и доверием у верующих.

К тому же духовные лица, как знавшие каноническое право и богословие и притом владевшие необходимым в церковном делопроизводстве латинским языком, были более пригодны к ведению духовных дел чем светские лица, не обладавшие подобной подготовкой.

Всецело подчиняя консистории власти епархиального начальника, канонические правила, в соответствии с этим, ставили в непосредственную зависимость от епископа и личный состав консистории, а также назначение на все консисторские должности.

Между тем реальное положение р.-к. консистории в Российской империи не вполне отвечало приведенным выше требованиям канонического права. Нося наименования духовных лиц, консистории состояли в большинстве из светских лиц, так как духовными являлись лишь члены присутствия консистории (числом от 3 до 6).

Все же служащие консисторской канцелярии (в количестве, значительно превышавшем количество духовных членов), состояли исключительно из светских лиц, не только не знакомых с каноническим правом, а зачастую и с латинским языком, но нередко не получивших должного образования.

Определение членов консистории к должностям было обусловлено по закону (ст. 34 Устава иностранных исповеданий), утверждением министра внутренних дел, причем секретари консистории назначались непосредственно министерством внутренних дел (ст. 35 Устава иностранных исповеданий).

В связи с отменой ст. 29 Уст. ин. исп., изд. 1857 г., о чем было упомянуто выше, консистории в Российской империи продолжали существовать и функционировать даже и в том случае, когда епархиальный начальник скончался или сложил свою должность и когда таким образом не имелось налицо епископа, от имени которого консистория уполномочена была действовать.

Нарушение канонических правил коснулось также и компетенции консисторий, из ведения которых были изъяты дела по жалобам и искам на духовных лиц (п. 3 разд. I ст. 64 Устава иностранных исповеданий).

Естественным последствием указанных отступлений от требований канонического права явилось сосредоточение епархиальными начальниками в епископских канцеляриях главнейших дел, а именно чисто духовных, связанных с непосредственным управлением епархиями, и вообще всех актов так называемой духовной юрисдикции, равно как всех отношений со Святым престолом и высшими государственными властями.

Необходимо отметить, что епископские секретариаты предусматривались и действовавшим законом (ст. 26 Устава иностранных исповеданий), по силе которого особая канцелярия состояла, однако, лишь

при архиепископе, а при каждом из епископов полагался только секретарь. Но определяя ближайшим образом компетенции епископских секретариатов, закон ограничивался лишь общим указанием, что секретари при епархиальных начальниках состоят для их официальной и частной переписки.

В соответствии с этим избрание и назначение таких секретарей было предоставлено по закону исключительно власти епископа (ст. 38 Устава иностранных исповеданий).

В связи с признанием за РКЦ прав на самоуправление в сфере внутренней церковной жизни осуществление начал вероисповедной свободы вызывало необходимость согласования действовавших в р.-к. консисториях законоположений с каноническими правилами.

Не касаясь вопроса о соединении консистории с епископскими канцеляриями в одну епископскую курию, как связанной с преобразованием консистории, Комиссия подвергла своему обсуждению вопрос, как именно из законоположений, регулировавших существовавший строй консистории, представлялось бы возможным привести в соответствие с требованиями канонического права без ущерба для государственных интересов.

В первую очередь Комиссия остановилась на законоположениях, определявших порядок замещения консисторских должностей. Приняв во внимание, что по закону консистории выполняли некоторые функции государственного управления, в такой, например, важной области, как метрикация, Комиссия полагала, что для государства безразлично, кто именно занимает наиболее ответственные должности в консистории.

К числу таких должностей, несомненно, относились должности членов присутствия консистории, а также ее секретаря, несшего ответственность за порядок консисторской канцелярии. Оставаться в отношении порядка замещения этих должностей на почве действовавшего закона Комиссия не усматривала оснований. Если епископу, согласно проектированному Комиссией порядку, предоставлялось право непосредственного замещения священнослужительских в его епархии должностей до высших капитульных включительно, то, по мнению Комиссии, было бы последовательным признать за епископом такое же право и в отношении должностей членов консистории и секретаря консисторской канцелярии, с тем однако, чтобы свои распоряжения он одновременно доводил до сведения местной гражданской власти.

С установлением столь широких в этой области прав епархиального начальника, непосредственными распоряжениями которого производились бы по консистории как назначения, так и увольнения личного

персонала, отпадала, казалось бы, надобность восстанавливать силу отмененной ст. 29 Устава ин. исп., изд. 1857 г., так как и без особой регламентации в законе не исключалась возможность применения на практике содержавшегося в этой статье правила.

Перейдя к законоположениям, которыми определялся существовавшей строй р.-к. консисторий и епископских секретариатов, Комиссия, ввиду приведенных выше соображений канонического характера, высказалась за предоставление епископу права замещать должности по консисторской канцелярии лицами как светскими, так и духовными. Вместе с тем по мнению Комиссии, надлежало бы дополнить текст действовавшего закона (п. 2 ст. 26 Устава иностранных исповеданий) указанием на то, что канцелярия состоит не только при архиепископе, но и при каждом епархиальном начальнике.

Приняв во внимание, что подробное перечисление личного состава консистории, сделанное в п. 1 ст. 26 Устава иностранных исповеданий, едва ли представлялось бы удобным оставлять в тексте закона, тем более что состав этот с течением времени мог измениться как в отношении должностей, так и по роду служащих, в случае привлечения в консисторскую канцелярию духовных лиц Комиссия нашла соответствующим изложить и этот пункт в новой редакции.

Подвергнув пересмотру на указанных выше основаниях законоположения, которым определялся существовавший строй р.-к. консисторий и порядок замещения консисторских должностей, Комиссия обратилась к обзору узаконений о компетенции консисторий и производстве в них дел (ст. 64–70 Устава иностранных исповеданий).

Действовавший закон (ст. 64) приводил, подробный перечень предметов ведения консисторий, подразделяя их на 4 основные группы:

- 1) дела, относившиеся к епархиальному духовенству;
- 2) дела, относившиеся к светским лицам;
- 3) смешанные дела;
- 4) дела хозяйственной части.

В этом перечне для государства имели значение лишь дела, поименованные в разделе II ст. 64 (акты о рождении, крещении, смерти, удостоверения законности или незаконности брака и прочее). Указание в законе на подведомственность консисториям такого рода дел, по мнению Комиссии, представлялось бы соответственным сохранить и впредь.

Что касается дел, относившихся к епархиальному духовенству, подробно перечисленных в разделе I ст. 64, то Комиссия полагала, что такой перечень нужно заменить отредактированным в общих выражениях указанием на то, что ведению консистории подлежат все те дела, которые епархиальный начальник передает на ее рассмотрение.

Вместе с тем, по мнению комиссии, надлежало бы включить в текст примечаний к разделу II ст. 64 некоторые дополнения канонического свойства, а именно: в примечании 1 указать, что вторую степень по делам, решенным в первой степени епископами, составляет архиепископ, а по тем делам, которые были решены самим архиепископом с его консисторией, как в первой степени – Апостольский престол или епископ одной из епархий, ближайших к архиепархии. Примечание же второе после слов «брачные дела» следовало, по мнению Комиссии, дополнить словами: «...кроме тех дел, которые по каноническим правилам окончательно решаются в одной инстанции».

Останавливаясь далее на ст. 65, которая определяла права епископа по разрешению подлежащих ведению консистории дел, Комиссия нашла излишним сохранение содержавшегося в этой статье указания, что дела решаются епископом после рассмотрения их в консистории; с исключением этого указания и помещенного вслед за ним слова «впрочем».

Комиссия полагала первую часть ст. 65 изложить в следующих выражениях: «Поименованные в предыдущей (ст. 64) статье дела решаются епископом, а голос консистории – только совещательный». Что касалось ст. 66, пояснявшей права епископа по административным и дисциплинарным делам, ст. 67, допускавшей отзывы в РКДК на некоторые решения по дисциплинарным делам, и ст. 70, устанавливавшей порядок рассылки предписаний духовного начальства, при которых препровождались высочайшие манифесты, указы и т. п. акты, то таковые статьи, по мнению Комиссии, подлежали полной отмене, в виду того что содержащиеся в них постановления или вытекали из существа епископской власти (ст. 66), или утратили свое значение в новых условиях государственной и религиозной жизни страны (ст. 67 и ст. 70).

Наконец, Комиссия полагала, что при последовательном проведении в жизнь начал церковной автономии не усматривалось более оснований к сохранению в законе требования, в силу которого порядок производства дел в консисториях определялся особой инструкцией министра внутренних дел, и потому высказалась за исключение из ст. 69 слов: «...и особой инструкцией министра внутренних дел».

В связи с пересмотром законов, определявших компетенцию р.-к. духовных консисторий по Уставу иностранных исповеданий, Комиссия останавливалась также на ст. 883, 885, 887 и 988 Закона о состояниях, касавшихся метрикации по р.-к. исповеданию и актов духовного состояния.

По силе ст. 883 метрики писались настоятелями церквей или администраторами и викарными священниками, или же лицами других

нижних духовных степеней при приходских церквях (под ответственность старшего по управлению приходом священника).

Центр тяжести этой статьи, несомненно, лежал в заключительной ее части, возлагавшей ответственность за верность метрик на старшего по управлению приходом священника. Доказательная же сила метрик, казалось бы, нисколько не должна была пострадать, если они были бы написаны кем-либо другим, как это в действительности в большинстве случаев и происходило, а не поименованными в этой статье священнослужителями, тем более что последние нередко не располагали даже возможностью выполнить эту обязанность.

Комиссия нашла соответствующим изложить упомянутую статью в следующей сокращенной редакции: «...метрики должны быть писаны под ответственность за верность их старшего по управлению приходом священника».

Согласно ст. 885 после получения копий каждая консистория переплетала их в общую книгу и, подписав в полном присутствии, за надлежащей скрепой хранила в епархиальном архиве.

Установленное этой статьей требование о подписании копий в полном присутствии консистории являясь стеснительным, не вызывалось в то же время действительной необходимостью, так как участие в делах такого рода даже неполного состава присутствия нельзя, казалось бы, не признать достаточным. Ввиду этого Комиссия высказалась за исключение из текста ст. 885 слов: «...в полном присутствии».

Что касается ст. 887, в силу которой перечневые из метрических книг ведомости консистория доставляла к епархиальному архиерею, а он — в р.-к. духовной коллегии, то сохранение ее в действовавшем Своде законов Комиссия полагала излишним.

Наконец, согласно ст. 988, содержание именных списков о духовенстве иностранных исповеданий относилось к предметам МВД по департаменту духовных дел иностранных исповеданий и совершалось по его распоряжению подчиненными ему начальствами.

Статью эту, относившуюся к духовенству иностранных исповеданий вообще, Комиссия полагала дополнить в отношении исповедания р.-к. следующим примечанием, отредактированным применительно к ст. 987, которая касалась именных списков православного духовенства: «...по р.-к. исповеданию духовные консистории под главным ведением епархиального епископа содержат именные списки всех подведомственным им лицам духовного звания» [2, л. 112–115 об.].

Данные материалы 19 июня 1917 г. за № 3049 под заглавием «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России» были представлены на «уважение»

Временного правительства министром внутренних дел кн. Львовым; скрепил комиссар Временного правительства С. Котляровский; резолюцию «верно» поставил и. д. директора департамента духовных дел МВД вице-директор Тарановский [2, л. 138–145 об.].

26 июля 1917 г. за подписью заместителя министра-председателя Н. Некрасова и министра внутренних дел Н. Авксентьева Временное правительство приняло постановление № 1287 «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России».

В разделе 5 данного постановления оговаривалось, что действие законоположения по делам РКЦ в России распространяется на церковное управление этой церкви всех обрядов, с теми изъятиями, которые будут особо установлены для управления каждого из этих обрядов в законодательном порядке [2, л. 103–103 об.].

Таким образом, Комиссии, образованной по инициативе Временного правительства, удалось пересмотреть действовавшее законодательство о р.-к. консисториях и канцеляриях. Естественным последствием возведенных начал вероисповедной свободы являлось признание за РКЦ права на самоуправление в области внутренней церковной жизни.

Библиографический список

1. Ганчар А.И. Законодательное решение вопроса о строительстве римско-католических церквей в Российской империи (1917 г.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Междунар. науч. конф., г. Иваново, 5–6 апреля 2017 г.: в 2 ч. / Ивановский государственный университет. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. Ч. 2. 528 с. С. 234–239.

2. Об изменении законодательства по делам р.-к. церкви в России (5 мая 1917 г. – 5 октября 1917 г.) // РГИА. Фонд 821. Оп. 128. Д. 1741. 187 л.

ГРНТИ 02.41.31
УДК 101

И.В. Рудакова
БГИТУ, Брянск

СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ 70-Х ГОДОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В статье рассмотрена советская интеллигенция 70-х годов как социальное целое. Рассмотрены ключевые аспекты образа мира: восприятие времени и пространства, отношение к духовным и материальным ценностям.